

A symmetrical, ornate decorative flourish in a light gray color. It features swirling lines, loops, and a central vertical axis, framing the text.

РАСШИФРОВАННАЯ
ЛИТЕРАТУРА

БОРИС СОКОЛОВ

РАСШИФРОВАННЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ
ИДИОТ
БЕСЫ
БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ

МОСКВА

2021

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
С59

В оформлении обложки использована фотография:
Олег Игнатович / РИА Новости

Соколов, Борис Вадимович.

С59 Расшифрованный Достоевский. «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы» / Борис Соколов. — Москва : Эксмо : Яуза, 2021. — 512 с. — (Расшифрованная литература. Достоевский).

ISBN 978-5-04-117299-2

Книга известного литературоведа, доктора филологических наук Бориса Соколова раскрывает тайны четырех самых великих романов Федора Достоевского — «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы». По всем этим книгам не раз снимались художественные фильмы и сериалы, многие из которых вошли в сокровищницу мирового киноискусства, они с успехом инсценировались во многих театрах мира.

Каково было истинное происхождение рода Достоевских? Каким был путь Достоевского к Богу и как это отразилось в его романах? Как личные душевные переживания писателя отразились в его произведениях? Кто был прототипами революционных «бесов»? Что роднит Николая Ставрогина с былинным богатырем? Каким образом повлиял на Достоевского скандально известный маркиз де Сад? Какая поэма послужила источником знаменитой легенды о «Великом инквизиторе»? Какой должна была быть судьба героев «Братьев Карамазовых» в так и ненаписанном Федором Михайловичем втором томе романа? На эти и другие вопросы о жизни и творчестве Достоевского читатель найдет ответы в этой книге.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

© Соколов Б.В., 2021
© ООО «Издательство «Яуза», 2021
ISBN 978-5-04-117299-2 © ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Вместо введения

Достоевский и христианство

Комментарий к Бердяеву

Федор Михайлович Достоевский — не просто один из величайших русских писателей. Это тот человек, по произведениям которого весь мир судит о России, о таинственной русской душе. О нем написаны тысячи книг, десятки тысяч статей, но каждая новая работа, если она действительно серьезна и глубока, лишь умножает число загадок в жизни и творчестве писателя. Не раз романы Достоевского переносились на экран, инсценировались в театрах. Их ставили великие режиссеры, персонажей Достоевского играли великие актеры, но что-то неуловимое и вместе с тем важное уходит даже из самых талантливых постановок, не постигается в самых фундаментальных исследованиях, не улавливается самыми выдающимися философами, самыми просвещенными психологами и психиатрами.

В заслугу Достоевскому ставят как небывалое до него проникновение в глубины человеческой психики, так и открытие всечеловеческого религиозного

переживания страдания и любви, собственной греховности и темных страстей вместе со светлой верой в счастливую судьбу человечества и вселенскую миссию русского народа. Четыре романа заслуженно признаются вершиной творчества Достоевского, и как раз в них христианская тема выражена наиболее отчетливо в виде искупления через страдание. Это — «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы». К данным романам и приковано прежде всего внимание читателей и исследователей.

В Достоевском видели первого философа-экзистенциалиста и еще при жизни писателя сравнивали его со знаменитым маркизом де Садом. И так и не поняли до конца, сознавал ли он себя великим грешником, которому потребно раскаяние, или он просто настолько сжился со своими героями, что переживал их грехи как свои собственные.

Достоевского называют также настоящим предтечей Ницше и Фрейда, первым развенчавшим комплекс сверхчеловека и заглянувшим в глубины подсознания. В то же время тягу к болезненным состояниям человеческой души связывали у Достоевского не только с тяжелейшим жизненным опытом (смертным приговором, каторгой, смертью детей), но и с его заболеванием — эпилепсией, или, как говорят на Руси, падучей болезнью, сильно повлиявшей на психику писателя.

Я попытаюсь приоткрыть завесу тайны только над некоторыми образами и героями Достоевского, ограничившись четырьмя вышеназванными романами. Как известно, в Средние века родилась теория «двойственной истины», которую на Арабском Востоке придумал Ибн-Рушд (или Аверроэс, на испанский манер, поскольку арабской тогда была большая часть Испании), а в Европе — английский богослов,

философ и математик Уильям Оккам. Согласно данной теории, есть два рода истины, истина веры и истина знания, причем первая неизмеримо выше второй. Божественное откровение постигается только верой, и к нему неприменимы критерии познания окружающего нас материального мира, который, напротив, познается лишь средствами науки, грубым, эмпирическим путем. В этом мире ни одна истина не принимается на веру без доказательства. Но бесполезно искать доказательств бытия Божьего или каких-либо Божественных проявлений. В это можно только верить, в противном случае мы профанируем Бога, сольем его с нашей грешной землей.

Таким образом, истины двух родов никак нельзя смешивать в науке, иначе она не сможет развиваться. А вот в художественной литературе еще как можно. И Достоевский это блестяще сделал в своем творчестве.

Известно, что его герои нередко иллюстрируют конкретные евангельские образы и максимы. Однако при этом они остаются вполне живыми людьми и воспринимаются как реальные, хотя и довольно необычные типы. Достоевский первым открыл, что за внешне благополучной оболочкой семейной или социальной жизни могут скрываться такие психологические изломы, такие темные страсти, что современникам во второй половине XIX века они внушали подлинный ужас. Вера у Достоевского сливается с жизнью, познается через жизнь и становится главной жизнестроительной силой. Затем, когда в России меньше чем через сорок лет после смерти Достоевского грянула революция и Гражданская война и в результате к власти пришли «бесы» — большевики, творчество писателя стало восприниматься как про-

рочество, как предупреждение, к которому не прислушались. Позднее же, когда мир узнал кошмар Второй мировой войны, Освенцим и ГУЛАГ, романы и публицистику Достоевского сочли пророчеством уже во всемирном масштабе, пророчеством насчет того, что должно произойти от недостатка братской, христианской любви между народами.

В России настоящее понимание Достоевского пришло вскоре после его смерти. При жизни писателя его произведения были объектом полемики между либерально-народнической и консервативно-охранительной критикой. Одни отрицали антинигилистический пафос Достоевского, другие подчеркивали его почвенничество, нелюбовь к «малому народу» и полякам и лозунг «Крест на святую Софию!». Только на рубеже XIX—XX веков, когда вслед за Владимиром Соловьевым в России возникла оригинальная религиозная философия, часть интеллигенции обратилась к Богу, тогда как во времена Достоевского в ней господствовало неверие. Вот тогда и были оценены религиозные прозрения Достоевского, его предвидение революции, глубокое постижение писателем души русского народа и страстной религиозности русского нигилизма и атеизма, постановка им «последних «проклятых вопросов», за полвека предвосхитившая европейский экзистенциализм. В своей книге я старался как можно полнее представить те суждения отечественных философов о Достоевском, которые, на мой взгляд, сохраняют актуальность и сегодня.

Как мне кажется, из всех философов, критиков и литературоведов глубже и точнее всех Достоевского понял Николай Александрович Бердяев. В «Мировоззрении Достоевского» он утверждал: «Искусство До-

стоевского все — о глубочайшей духовной действительности, о метафизической реальности, оно менее всего занято эмпирическим бытом. Конструкция романов Достоевского менее всего напоминает так называемый «реалистический» роман. Сквозь внешнюю фабулу, напоминающую неправдоподобные уголовные романы, просвечивает иная реальность. Не реальность эмпирического, внешнего быта, жизненного уклада, не реальность почвенных типов реальны у Достоевского. Реальна у него духовная глубина человека, реальна судьба человеческого духа. Реально отношение человека и Бога, человека и дьявола, реальны у него идеи, которыми живет человек. Те раздвоения человеческого духа, которые составляют глубочайшую тему романов Достоевского, не поддаются реалистической трактовке. Потрясающе гениальная обрисовка отношений между Иваном Карамазовым и Смердяковым, через которые открываются два «я» самого Ивана, не может быть названа «реалистической». И еще менее реалистичны отношения Ивана и черта. Достоевский не может быть назван реалистом и в смысле психологического реализма. Он не психолог, он — пневматолог и метафизик-символист. За жизнью сознательной у него всегда скрыта жизнь подсознательная, и с нею связаны вещи предчувствия. Людей связывают не только те отношения и узы, которые видны при дневном свете сознания. Существуют более таинственные отношения и узы, уходящие в глубину подсознательной жизни. У Достоевского иной мир всегда вторгается в отношения людей этого мира. Таинственная связь связывает Мышкина с Настасьей Филипповной и Рогожиным, Раскольников со Свидригайловым, Ивана Карамазова со Смердяковым, Ставрогина с Хромоножкой и Шатовым.

Все прикованы у Достоевского друг к другу какими-то нездешними узами. Нет у него случайных встреч и случайных отношений. Все определяется в ином мире, все имеет высший смысл. У Достоевского нет случайностей эмпирического реализма. Все встречи у него — как будто бы нездешние встречи, роковые по своему значению. Все сложные столкновения и взаимоотношения людей обнаруживают не объективно-предметную, «реальную» действительность, а внутреннюю жизнь, внутреннюю судьбу людей. В этих столкновениях и взаимоотношениях людей разрешается загадка о человеке, о его пути, выражается мировая «идея». Все это мало походит на так называемый «реалистический» роман. Если и можно назвать Достоевского реалистом, то реалистом мистическим».

Великий русский религиозный философ творил уже в эпоху символизма. И в образах Достоевского он увидел символы иного мира, мистическое проникновение в суть отражения в тварном мире Божьего промысла.

Как заметил современный немецкий философ Райнхард Лаут, «от Достоевского начинается новое развитие. Он пробудил религиозное сознание и порыв, он указал на Христа, радикально поставив трагичность души в сердцевину жизни. Как мощный пророк, он разбудил дремлющих и позволил им заглянуть в бездну, над которой они, не подозревая того, стояли; он показал заблудшим, что их пути не ведут к небытию, и обозначил отчаявшимся дорогу к освобождению. Он разделяет с нами нашу вину, обучая нас нести виновность и в то же время показывая нам, что в темноте есть реальная возможность света. Ты и я, говорит он читателю, мы оба переживаем

бездну мучений, но мы существуем, мы есть. В темнице сидим мы, но в нас есть жизнь и мы видим солнце. Если не видим его, то все же знаем, что оно есть, «а знать, что есть солнце, — это уже вся жизнь». И потому его мощный призыв обращен к любой ищущей и во мраке страждущей душе...»

Достоевский не только совершил революционный переворот в литературе, философии, в восприятии христианства. Его творчество лежало в русле традиции русской литературы, идущей от Гоголя. В связи с этим Бердяев подчеркивал: «Из великих русских писателей Достоевский непосредственно примыкает к Гоголю, особенно в первых своих повестях. Но отношение к человеку у Достоевского существенно иное, чем у Гоголя. Гоголь воспринимает образ человека разложившимся, у него нет людей, вместо людей — странные хари и морды. В этом близко к Гоголю искусство Андрея Белого. Достоевский же целостно воспринимал образ человека, открывал его в самом последнем и падшем. Когда Достоевский стал во весь свой рост и говорил свое творческое новое слово, он уже был вне всех влияний и заимствований, он — единственное, небывалое в мире творческое явление...»

Тезис о том, что Достоевский вырос из Гоголя, в особенности из гоголевской «Шинели», весьма распространен в русском литературоведении. Так, А.С. Долинин подчеркивал в статье о Достоевском в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, что «он начинает как верный ученик Гоголя, автора «Шинели», и понимает обязанности художника-писателя, как учил Белинский. «Самый забитый последний человек есть тоже человек и называется брат твой» (слова, сказанные им в «Униженных и оскорбленных»)». Даже мир — тот же гоголевский, чиновни-

чий, по крайней мере, в большинстве случаев. И распределен он у него, согласно идее, почти всегда на две части: на одной стороне слабые, жалкие, забитые «чиновники для письма» или честные, правдивые, болезненно чувствительные мечтатели, находящие утешение и радость в чужом счастье, а на другой — надутые до потери человеческого облика «их превосходительства», по существу, может быть, вовсе не злые, но по положению, как бы по обязанности коверкающие жизнь своих подчиненных, и рядом с ними чиновники средней величины, претендующие на бонтонность, во всем подражающие своим начальникам».

А В. Я. Кирпотин вспоминал, как единственный раз беседовал с Михаилом Булгаковым: «Он спросил меня: кого я люблю из русских писателей? Я ответил: «Пушкина и Толстого». Он сказал: «А я Гоголя и Достоевского». И немного подумав, добавил: «Я давно заметил: человеку, любящему Пушкина, непременно нравится Толстой, а человеку, любящему Гоголя, Достоевский». В общем, я согласен с ним».

Действительно, давно замечено, что в русской литературе всегда сосуществовали две линии, от Пушкина к Толстому и от Гоголя к Достоевскому, причем у каждого из этих писателей есть свой специфический круг читателей. Толстого с особенным удовольствием читают люди относительно благополучные, «правильные», ценящие стабильность жизни. Характеры у толстовских героев цельные, описания природы и людей радуют глаз. Напротив, у Достоевского герои всегда раздвоены, раздираемые духовными противоречиями, мучающиеся от сознания собственной греховности, от душевного разлада. Природу Достоевский почти не описывает, больше — замкнутые городские пространства. А если речь все же заходит о

живой, не каменной природе, то пейзажи Достоевского неизменно вызывают у читателей тревогу и беспокойство. Толстой любил выводить в своих романах помещиков, хорошо знал быт дворянских усадеб. У Достоевского герои обычно не дворяне, а разночинцы. А если дворяне и выступают на сцену — в лице Свидригайлова, Ставрогина, Карамазовых, то они-то как раз и демонстрируют высшую степень душевной раздвоенности и оказываются во власти темных страстей.

Достоевский, в отличие от графа Толстого, вынужден был зарабатывать на жизнь литературным трудом. Достоевский был дворянином, поскольку его отец, Михаил Андреевич Достоевский, военный лекарь, выйдя в отставку коллежским советником в 1837 году, получил потомственное дворянство (право на него тогда давал уже чин коллежского асессора, на два класса ниже, чем коллежский советник). После этого, как водится, у Достоевских появилась фантастическая родословная (точно так же, кстати сказать, как и у Гоголя). Например, предки Федора Михайловича будто бы восходили к родовитой литовской шляхте XVI века. Якобы родоначальником рода Достоевских считается Данило Иванович Иртищ (Ртищевич, Артищевич — по другим источникам). Ему за верную службу у князя Федора Ивановича Ярославича было пожаловано село Достоево в Каменец-Подольской губернии. При этом дед писателя Андрей Михайлович каким-то образом оказывается православным священником села Войтовицы все в той же Подольской губернии, причем задолго до того, как часть польской и литовской шляхты, не имевшая крепостных, в начале XIX века была царским указом переведена в однодворцы. До этого же переход из дво-

рянского звания в священническое был событием крайне редким, почти невероятным. Резонно предположить, что на самом деле род Достоевских был из сельских священников, а к литовскому шляхтичу Даниле Иртищу его возвели только после получения отцом писателя потомственного дворянства, чтобы внести в родословную книгу родословие побогаче. Такие фальшивые родословия широко ходили на Украине по весьма умеренной цене во времена жизни Гоголя и отца Достоевского. Отец Гоголя, когда службой заслужил право на потомственное дворянство, точно так же купил себе родословную, возводящую род Яновских к мифическому казацкому полковнику середины XVII века Андрею Гоголю, будто бы получившему шляхетство от короля Яна Казимира, но только через шесть лет после отречения последнего от престола. Очевидно, тот же случай мы имеем и с Достоевским. Так что в отличие от действительно столбовых дворян Пушкина и Толстого Гоголь и Достоевский были дворянами с более чем сомнительной родословной и, вероятно, сознавали это, хотя Гоголь порой пытался доказать окружающим ее подлинность.

Достоевский, думается, всегда считал себя разночинцем в душе. Отец ведь его дворянство приобрел службой. И самому ему пришлось год тянуть офицерскую лямку в Инженерном департаменте, затем отставка, жизнь литературным трудом, арест, смертная казнь, замененная каторгой, лишение всех прав состояния, пребывание в Мертвом доме, солдатская служба и опять существование на литературные заработки. Поэтому Достоевский и не чувствовал своей принадлежности к дворянству, хотя новый император и возвратил ему права состояния. Писатель описывал тот слой, который еще при его жизни нача-

ли называть русской интеллигенцией. Интеллигенты Раскольников, Разумихин, отец и сын Верховенские, да и другие «бесы», не исключая Ставрогина, и, конечно же, Иван Карамазов. Теми страданиями, которые он сам перенес, Достоевский щедро наделил своих героев. Потому давно замечено, что Достоевского гораздо лучше понимают и гораздо больше любят люди с изломанной судьбой, с проблемами в личной жизни, подверженные страстям, тогда как люди более спокойные и благополучные предпочитают Толстого.

Бердяев писал в «Мировоззрении Достоевского»: «В Достоевском достигает вершины русская литература, и в творчестве его выявляется этот мучительный и религиозно серьезный характер русской литературы. В Достоевском ступается вся тьма русской жизни, русской судьбы, но в тьме этой засветил свет. Скорбный путь русской литературы, преисполненный религиозной болью, религиозным исканием, должен был привести к Достоевскому. Но в Достоевском совершается уже прорыв в иные миры, виден свет. Трагедия Достоевского, как и всякая истинная трагедия, имеет катарсис, очищение и освобождение. Не видят и не знают Достоевского те, которых он исключительно повергает в мрак, в безысходность, которых он мучит и не радует. Есть великая радость в чтении Достоевского, великое освобождение духа. Это — радость через страдание. Но таков христианский путь. Достоевский возвращает веру в человека, в глубину человека.

Этой веры нет в плоском гуманизме. Гуманизм губит человека. Человек возрождается, когда верит в Бога. Вера в человека есть вера во Христа, в Бого-Человека. Через всю жизнь свою Достоевский пронес